Сергей КУЛАКОВ

*Сергей Кулаков родился в 1964 году в Архангельске. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Студия» (Германия), «©оюз писателей» (Харьков), «Южная звезда», «Урал», «Журнал ПОэтов», «Слово» (Нью-Йорк), «Дон», «7 искусств» (Германия), «Кольцо А», «День и ночь», «Интерпоэзия» (США). Предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «Лавка ненужностей» (2018, № 3-4).*

# ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

*Рассказ*

Наступило время покинуть убежище, так сказать, свою ветхую гавань, пустынную стоянку, которой пользуюсь я, как только в темном небе она – светлая – оборачивает лик свой бледный, чтобы получше разглядеть мое существование здесь, вдали. Нечего на меня пялиться! Можно подумать, своих забот не хватает. Итак, я покидаю свою маленькую итаку (неплохой, неплохой каламбур). Там мне особо нечего делать, разве только забиться на ночь (кажется, об этом уже говорил – эхэ-хэ, годы-годы, ничего не поделаешь), чтобы ненадолго ускользнуть от харибдовых водоворотов внешнего мира. Вместе со зверем и птицей мне пока есть где преклонить голову.

Думаю, не стоит описывать моё укромное логово – там нет ничего примечательного, ибо никогда я не затевал его обустройство. Или затевал? Когда-то давно, очень давно? Сомневаюсь, сомневаюсь, по крайней мере, не припомню. Столько было всяких событий, всяких нелепых происшествий... Столько всего, что память не удерживает таких пустяков, впрочем, ничего она не удерживает. Кто знает, плохо это или нет, да и было ли то, о чем я говорю, на самом деле? Может, чудится мне? Возможно и такое – поди теперь разберись в ворохе дней, месяцев, лет, перемешанных с хламом всего случившегося тогда. Кто в силах определить, что было по-настоящему, что взросло из трухи зыбким призраком, а потом ещё и отпечаталось кривой тенью вавилоновой башни?.. Ладно, не время, не время для рефлексий, для печальных элегий, сопровождаемых посвистом флейт. Пора отправляться в путь.

Чего мне не сидится там, где сухо (не скажу: тепло), где крыша над головой? Под лежачий камень вода не потечет... Странно, насколько помню, именно под лежачее что-то всегда течет. Тем древним умникам было виднее, или всё там у них было по-другому... Не уверен. Ну, что по-другому у них было? С чего им быть другими, или – нам меняться? Все дело в нашей лени, в нежелании стать иными... или мы попросту не в силах совершить такое самостоятельно? Не знаю, не знаю, но... пора, пора в дорогу.

Другие меня не зовут. Мне не нужно собирать дюжину кораблей. Я сам и корабль и команда. Мною движет необходимость, жжет, выпекает изнутри, выталкивает из четырех стен... Вообще-то стен больше, но мы слишком зависим от того, что навыдумывали те, кто дышал раньше нас, кто снабдил нас своей словесной мишурой, напитал её скрытыми смыслами, хотя если вдуматься трещащей головой, жаждущими, пропитанными алкоголем мозгами, смыслы эти весьма, весьма сомнительны. Пора отправляться. Не исключено, что сегодня встретится человек, не ведавший прежде о соли, который за лопату примет весло... Кто бы знал, как надоело столько лет каждый день отправляться в путь. Делать нечего, делать нечего. Затворяется дверь, ляскает металлом замок. Несколько оверштагов по бетонному спуску подъезда, напитанного запахом мочи. Человечьей, кошачьей – не важно. Глухо захлопывается за спиной хлипкая дверь. Зассанная гавань позади, впереди – открытый простор, бурное море бытия. Непросто после нескольких лавирований по бетонной лестнице вниз – ветра нет в

парусах, легкие сдулись, обвисли. Надо помочь старому кораблю, но кто сделает это? Пусто, пустынно, опустошенно... Где команда? Старые, полудохлые крысы – забились там, затихли. Чего хотят эти отщепенцы? Никакого геройства от них не жди! Скорее всего, отсидеться задумали в сумраке. Ни шороха, ни шепотка, почти не дышат, только какой-то мерзкий хрип... Мне нужно выдержать ещё немного: сердце стучит, взмок хребет и загривок, а они затихли, умолкли, замерли, молчат... Надеются на дармовщинку проскочить? Ну уж нет, не удастся им отсидеться! Хрип и чертыхание... Разве оно исходит из моего нутра? Разве эти долбанные звуки, предвещающие полный провал сомнительного похода, мои? Кажется, нет. Доносится сверху... да, сверху. Надеюсь, не Господь... Впрочем, пожалуй, так было бы лучше. Конец, каюк, кранты, крышка, кабздец старой развалине, наконец-то она отправится ко дну. Смею надеяться, то будет лишь физическое направление последнего движения моего тела, душа же направится в области прямо противоположные. Хрупкие надежды, личные мечты, сугубые предположения, хотя и крайне, крайне желанные.

Смотрю вверх, опираясь о ствол дерева. Там, на ветке, освещенная солнечным светом, сидит черная птица таинственного ада. Она изрыгает свою нескончаемую, жуткую песнь-пророчество, про грядущий мрак, из которой (вероятно, в целях конспирации) выброшена первая буква, а само слово анаграммно вывернуто в протяжно-хриплый вопль с глухим, раскатистым «рррр». Не было сил даже запустить камнем в этого глашатая грядущих ужаса и тьмы. Ограничился пинком по стволу дерева-трибуны. Вибраций злобы и неприязни, передавшейся от нутра – ноге, от ноги – дереву, от дерева – птице, оказалось достаточно, чтобы шугнуть наглую провозвестницу, и она (или он, если только тварям этим, подобно древнему прорицателю, не дана возможность побывать в обоих шкурах), тяжело взмахивая черными крыльями, улетела прочь.

Позволю себе вернуться к хитрым, но не очень-то смышленым крысам, попрятавшимся в сумрак грязных нор. Они засели там, им хорошо. Они знают, как трудно дается мне путешествие, но они знают и его необходимость. Что с того? Им нет никакого дела до моих трудностей! Вряд ли им хорошо. Им тоже желается того, за чем я отправился в путь. Того, за чем я, вот уже столько лет, без всяких выходных и праздников, а порой и вопреки удручающему состоянию своего изношенного здоровья, отправляюсь в ежедневное странствие. Улиссова страсть к перемещению... Лишь одним отличаюсь я от древнего собрата-грека. Нет, это вовсе не отсутствие приключений, всяких чудесных событий и встреч, такого добра вполне хватает: любителей лотоса, извергов-людоедов, каменносердных гигантов и хитрых, изворотливых волшебниц, сладкопевных сирен и ужасных чудовищ... Бывает, случается ещё и такое, о чем не довелось слышать даже Улиссу. Нет, это не время, потраченное на путешествие (мы оба знаем, что обречены скитаться до скончания дней). Нас различает то, что меня никто не ждет. Путешествие мое может показаться короче по времени. Можно предположить, что оно завершается с наступлением ночи, если, конечно, грубый сон не застает меня на земле, или не забрасывает в канаву, или не укладывает на какую-нибудь скамейку... Но это не так, это не так. Мое путешествие куда дольше путешествия знаменитого греческого царя. Бесконечные возвращения – всего лишь обман, мираж, ширма для отвода глаз. Пока тебя не встретит тот, кто провожал в путь, путешествие не кончено, нет, не кончено. Выходит, Улиссов образ не к месту? По-видимому, да. Ничего не поделаешь... Подходит образ старого корабля, обреченного скитаться, пока не выйдет положенный заклятьем срок, чтобы смог он вновь пристать к родному берегу.

Потрепанный, полуживой фрегат... Старый, мать его, голландец, обреченный на вечное скитание по бурным волнам со всеми потрохами, с мерзким его содержимым, с увесистыми, раскормленными крысами, с их туповатыми мордами, с хитрыми бусинками глаз, зыркающих из удобных, обжитых нор, где обустроились они надолго, надолго... Эти хитрюги не так уж глупы. Они не побегут, не оставят насиженных своих мест, будут терпеливо ждать пока, наконец, не польется пойло, которое заставит их

преобразиться, сделает теми, кем они вообразили себя. К оружию! К оружию! Гхааа-а-а... бам... бах... утс, утс, утс... Битва! Да здравствует битва! Эти крысы, те крысы... Они всего лишь крысы. Эти чуть лучше, те чуть хуже – какая, в общем, разница? Карррамба! Так, стоп, стоп, нужно сбавить ход. Я слишком слаб, чтобы оказать сопротивление. Земля уходит из под ног. Откуда здесь земля? Свежий ветер подул – пора расставлять паруса, лавировать, уходить прочь от возникшей кучки досужих болтуний. В мозгу, как тень альбатроса по волнам, промелькнуло и исчезло: Я берег покидал... Нужно повернуть на левый галс, оставить опасность справа, миновать их и выйти на простор. Не торопись, не торопись, они внимательно смотрят. Они не должны обнаружить, заподозрить... Они все понимают. Эй, ноги, держите меня, держите... Пусть вы слабы, пускай мышцы трясутся; вперед, вперед, прямо, прямо... Прямо? Пусть думают, что прямо (предположим, запах не достигнет их ноздрей...). Вот они, рядом. Запах бриза (не скажу свежего) веет с подветренной стороны, им не учуять. Ну, ещё немного, вот так... Попутный ветер, вей в ветрила кораблей.

Все эти мысли, все эти взгляды, все эти слова, все эти звуки – там, позади за кормой. Деревья, кусты, балконы, скамейки, асфальт, на который наброшены легкие тени деревьев. Впереди только путь к моей цели. Она близко, очень близко (вон сверкают большие витринные окна), но как видение – всегда ускользает, едва только удастся достичь её. И так – день за днем, день за днем... Плоть получает свое, душа же томится.

Всё ликует, все довольно: извне и внутри. Вон отличное место – у ствола дерева на склоне, на мягкой зеленой траве... Вдалеке, поверх крон деревьев, виднеется синь моря. Давно, давно не был на берегу. Что если затеять путешествие туда, пока ещё не наступила жара? Но и осенью тоже неплохо, осенью даже лучше... Сел. Земля не холодная. Оперся спиной о ствол дерева. Пожалуй, наступило время... Надеюсь, Дионис не станет оскоплять меня. Ну что ж, плоть, получай – бульбульбуль...

Кажется, что-то даже снилось. Не уверен. Кто-то толкает в спину. Что ему надо? Повернулся на спину. Открыл глаза. Сумрак. Далекая, мерцающая звезда насмешливо пялится прямо в лицо. Какой-то темный силуэт, склонившись, спросил: «Ты там живой?»

Там – это где? Если я действительно там, то какого хрена ты туда влез?

– Чего тебе? – недовольно вопросил к сердобольному силуэту.

– Живой. – удостоверился тот, не замечая моего недовольства.

Ну чего, легче стало, что живой? Счастьем, видать, обзавелся?

– Дорогу домой найдешь? – не унимался силуэт.

– Чего её искать? Сейчас встану и пойду.

– Ладно, – ответил он. Кажется, запас его любви к ближнему иссяк. Силуэт, вместе с этим иссякшим запасом, пропал.

Что толку лежать? Теперь не заснуть. Надо подниматься. Одна штанина мокрая... Кое-как встал. Покачивает, штормит... Эх, не впервой возвращаться в шторм домой. Не впервой... пусть внутри и погано. Сейчас бы полстакана засадить, вмиг бы штиль образовался. Да где взять? Негде! Стою. Покачиваюсь. Рукой держусь за дерево. Пора, пора... Оттолкнулся. Двинулся. Поплыл, переваливаясь с борта на борт. Покачивает... Ничего, дорогу найду, даже звезд не нужно. Ещё немного отдохнуть, и снова в путь, и снова в путь... Где-то там, во мраке – море. Шумит, набегает на берег прибой, а старый корабль возвращался домой... Моряк вернется из плаванья, охотник придет с холмов... Я иду с холма. Спускаюсь... Потом по бетонной лестнице, во мраке, вознесусь туда, где моя хижина, моя гавань, мое временное пристанище. Говорят, когда-то давным-давно один еврей видел во сне лестницу, ведущую к небесам. Вот невидаль, я вижу её почти каждый Божий день, если довелось выползти из своего логова наружу. Мало того, в отличие от того еврея, я восхожу по ней (а куда деться!) чуть не сказал домой. Нет-нет,

всего лишь в мое логово, в мое временное пристанище. Двенадцать ступеней, небольшая площадка, поворот налево, ещё двенадцать ступеней, вновь площадка, и опять поворот налево к другим двенадцати ступеням... Невысоко от грешной земли. Ещё бы, кесарю – кесарево! Вот так не торопясь, шажок за шажком, взбираюсь к двери в мое убежище, расположенной на одной из площадок, на лестнице, ведущей к самым небесам. Эта на первый взгляд обычная лестница приводит моё тело сюда. Туда, выше, пока не могу, возможно, потому, что силенок не достаёт. Увы! Я стою перед входом, пошатываясь. Штормит не так сильно. Плаванье мое закончилось. Вложатся ключи, отворится замок, и двери впустят меня... Тьма, одна только тьма, ничего кроме тьмы... Нет свежего ветра. Нет грохочущих волн. Нет бурного моря, солнца, луны, звезд, света, ничего, ничего... Только я. Один, один в этой пустынной, стылой тьме. Нет никого... Там никого нет... Я и тьма. И меня нет, одна жуткая тьма... Конец странствию. Исчез, растворился, перестал быть собой навсегда, навсегда... Что ж, должно быть тогда станет легче?